

Современная остросюжетная проза

Ян ВАЛЕТОВ

ЛЕВЫЙ БЕРЕГ
СТИЖСА

Роман

Харьков
«Фолио»
2019

Часть 1

Она не любила загородный дом. И с самого начала была против его покупки, но Косте он нравился. Раньше этот трехэтажный, считая подземные помещения, дом, принадлежал одному из управляющих каким-то трестом столовых и ресторанов и был выстроен с настоящим торговым размахом.

Вокруг причудливой каменной коробки росли высокие, в обхват толщиной, сосны, покрытые чешуйчатой липкой корой. Между ними змеилась двухкилометровая бетонная лента подъездной дороги, вечно засыпанная длинными желтоватыми иглами. Метрах в трехстах от площадки перед домом вдоль дороги выростали приземистые квадратные тумбы, на которых, словно шлемы водолазов, пузырились белые шары фонарей. Сразу же за домом располагалась аккуратно выкроенная лужайка для пикников, с огромной беседкой в углу, ближнем к лесу, и огромным мангалом из нержавеющей стали на коротких толстых ножках. За лужайкой начинался трехметровой ширины пляж, покрытый крупными комками свалывшегося от весенних дождей песка, и лишь у воды солнце осушало его и красиво отделявало черную речную воду чуть желтоватой рассыпчатой полоской.

Слева на пригорке, у самой кромки прибрежных зарослей, источавших чуть слышный запах свежей зелени и застоявшейся речной воды, стоял особенно не любимый ею покосившийся грибок,

разрисованный лет пять назад под мухомор, облезший от сырости и похожий на омерзительно крупный вулканический прыщ.

Костя присмотрел дом почти год назад, когда этот неизвестный ей управляющий собрался эмигрировать в Германию. Они приехали сюда впервые в конце мая, и Костя, захлебываясь от восторга, водил ее сначала вокруг, а потом внутри этого мрачного строения, махал руками и чуть не подпрыгивал от восторга. Ее всегда удивляла сохранившаяся в муже юношеская восторженность. Правда, проявлял он ее только дома, наедине, а на людях был сдержанным, даже угрожающе сдержанным человеком.

В банке многие боялись его, хотя Диана и подумать не могла, чтобы Костя когда-нибудь на кого-нибудь накричал. Он никогда не повышал голос, даже когда злился, просто в интонациях появлялось что-то металлическое, а глаза из карих становились черными, словно кто-то ластиком стирал радужку, оставляя один зрачок. За одиннадцать лет супружества Диана видела его таким от силы три раза, но даже при воспоминании о том, каким чужим и неприятным становилось его лицо, по спине проходила холодная липкая волна.

Диане дом не понравился. Она, не будучи трусихой, избегала удаленных от кипения жизни мест по инстинкту благоразумного человека, а Костя, наоборот, считал это чуть ли не главным достоинством дома и был готов не обращать внимания ни на вычурность постройки, ни на отделку, напоминающую своей претенциозностью прически торговых и партийных дам, удостоверявшие их социальную принадлежность надежнее любого документа.

Конечно же, у дома были свои достоинства: огромная, отделанная светлым деревом гостиная с камином, украшенным массивной каминной решеткой, узорно кованной, с каминным экраном и мраморной каминной доской. Рядом с камином, полукругом, стоял кожаный диван-уголок с креслами и телевизор. Громадная столовая, три четверти которой занимал тяжелый дубовый стол с двенадцатью стульями, поднять каждый из которых было даже для Кости задачей не из легких. Что делал с ними директор треста, было загадкой — ростом он удался, как рассказывал Костя, с некрупную собаку, но

явно страдал гигантоманией, как и все маленькие люди. Комплекс Наполеона — ничего не поделаешь.

Рядом, на первом этаже, располагалась ванная комната, оснащенная по последней моде, с угловой ванной-бассейном, с похожим на трон унитазом и биде. Хотя, как думала Диана не без ехидства, прежний хозяин вряд ли догадывался, что это приспособление не является фонтанчиком для питья. Тут же была и просторная кухня, перегороденная стойкой мини-бара по американской моде.

На втором этаже располагалась еще одна гостиная, вернее странная помесь гостиной с летним садом, под стеклянным потолком, с импортными искусственными растениями и деревьями в горшках, угловыми диванчиками и еще одним камином, на этот раз электрическим. Там же располагался еще один устрашающего размера телевизор с видеомагнитофоном.

Три двери из гостиной вели в спальни, каждая из которых имела свой туалет с ванной, правда более скромные, чем нижняя, но с обязательным биде и сверканием итальянского кафеля.

В общем, от дома исходил запах советского представления о шике западного образа жизни, купеческого отсутствия вкуса и больших денег, словно вонь застарелого недельного пота кто-то смешал с приторным одеколоном.

Диана прекрасно представляла себе прежнего хозяина, хотя и не видела его ни разу — свои дела он завершал из Германии, через жену, маленькую невзрачную женщину с толстыми короткими ногами и плоским невыразительным лицом. При встрече Диане почему-то подумалось, что эта похожая на пожилого пекинеса дама была нечастым гостем в загородном доме мужа. И уж наверняка не для нее в хозяйской спальне стояла кровать с гандбольную площадку величиной.

В подвале торговый босс возвел сауну, бильярдную, комнату для хранения продуктов с огромным двухдверным холодильником и лестницей, ведущей в погреб, со стеллажами для солений, к которым невзрачная «хозяйка» уже имела непосредственное отношение.

Оглядывая дом, Диана почему-то испытывала чувство брезгливости, но четко сформулировать — почему? — не могла. Словно при-

касалась к чужому несвежему белью или диковинному мохнатому насекомому. Костя долго объяснял ей, что цены на недвижимость сейчас достигли минимума, покупка выгодна, и они смогут с мая по октябрь прятаться здесь от удушающей, отдающей приторной вонью разогретого асфальта городской жары. Отсюда удобно ездить на работу — ведь до города всего сорок минут, и Дашеньке с Мариком здесь будет прекрасно... В общем, он все решил за них двоих, как, впрочем, делал очень часто, особенно в последнее время. В нем появилась какая-то болезненная категоричность, наверное, полезная для бизнеса, но вряд ли уместная дома. Он изменился за последние пять лет, хотя и оставался во многом прежним — умным и обаятельным провинциальным пареньком, в которого она без памяти влюбилась в далеком 1983 году, отбросив в сторону свои мечты о прекрасном принце, похожем на Алена Делона.

Костя на принца не походил, но был такой остроумный, энергичный, с хорошей открытой улыбкой не только на губах, но и в глазах, что даже ее мама, вначале надменно поднявшая брови, была им очарована напрочь.

Отец Дианы, профессор филологии Сергей Афанасьевич Никитский, считавший, что лучшей партией для дочери будет кто-то из его аспирантов после защиты кандидатской под его руководством, увел Костю в кабинет, до потолка заставленный книгами на семи языках, на четырех из которых профессор свободно читал и изъяснялся. Они вернулись через полтора часа. Причем Сергей Афанасьевич с несколько обалделым выражением лица. Диана усмехнулась про себя, зная, что Костя, заканчивая экономический, факультативно изучал английский и немецкий и бодро, хотя и с ужасающим акцентом, изъяснялся на французском.

Он вообще был странным человеком, ее Костя. Он родился в семье шахтеров, в рабочем городке и имел девяносто пять шансов из ста пойти по пути своих сверстников из двора-колодца, образованного обшарпанными двухэтажными бараками, построенными немецкими военнопленными, и новыми, престижными в представлении местных жителей, но уже не менее запущенными «хрущевками».

Вьедавшаяся во все поры угольная пыль окрашивала строения и людей во все оттенки серого. Пьянки для отцов, смертоносная «ханка» и дешевый портвейн для молодежи, для обоих поколений тяжелый однообразный труд в шахте, силикоз к сорока годам — все то, что в благополучной парадной жизни, за пределами огороженного терриконами негласного гетто для рабочего класса, считалось несуществующим, на самом деле было единственной возможной реальностью для сотен тысяч людей.

Официально об этом нигде не упоминалось — не позволяла доктрина. Это было язвой капиталистического мира, а наши шахтеры, чумазые и жизнерадостные, рапортовали с голубых экранов о трудовых победах к очередному съезду направляющей и руководящей силы. Но, к удивлению Дианы, выросшей в благополучной профессорской семье, этот мир был не за многие тысячи, а всего за двести пятьдесят километров от ее уютной квартиры с книгами, коврами и старомодными нравами.

Отец Кости погиб во время аварии на шахте в 1972-м, когда его сыну едва исполнилось четырнадцать. И в тот же год Костя уехал из родного города, подальше от портвейна и самодельных ножей из рельсовой стали, с наборными ручками из цветного плексигласа — поступать в техникум, на экономическое отделение. Через год он был комсоргом отделения, а еще через год — комсоргом техникума, отличником и капитаном сборной по футболу. При всем при этом он был далеко не паинькой — сказывалась дворовая школа — и в случае чего мог постоять за себя с решительностью и жестокостью, усвоенной от шпаны.

Как ни странно, всех своих успехов он достигал с одной целью — не скучать. Бездельничать и напиваться — ему было скучно. Каждую свободную минуту он хотел занять чем-то полезным для себя. Читал запоем все, что попадалось под руку, изучал иностранные языки, стенографию, неизвестно зачем получил диплом сварщика, оператора станков с ЧПУ и кучу других бумажек, которые теперь, ненужные, лежали в пакете с документами в их городской квартире.